

Борис Акунин: Имперское

На наших глазах в Украине разворачиваются драматические события, исход которых пока неясен, однако при любом повороте — выгонит ли Майдан Януковича или же Янукович задавит Майдан — ясно, что украинцы к России будут относиться хуже, наши страны отдалятся друг от друга. Ни украинская власть, ни украинский народ не простят России вмешательства (или попытки вмешательства) в свою жизнь.

Но я хочу поговорить с вами не о тяжелой ошибке, которую совершил Путин. Меня занимает глубинная причина этой ошибки. Вот зачем нам всё это: чтобы соседи непременно занимали подчиненное положение? Почему для российского режима так важно любой ценой удержать их в зоне своего политического влияния? Почему страны, отказывающиеся повиноваться Москве, немедленно становятся нашими врагами и к ним применяются жесткие санкции? Только не надо про экономические выгоды имперского статуса. Эту сателлитность оплачиваем мы, из своего бюджета — льготами и поблажками.

Совершенно из той же оперы все дипломатические дуэты с самыми отвратительными диктаторскими режимами, которые Россия упорно поддерживает и защищает от мирового сообщества.

Причина такого поведения ясна: это фантомные боли имперского сознания, жалкие попытки собрать ошметки былого советского величия. Только ведь ни черта у наших правителей не выйдет, кроме ущерба для российской экономики и репутации. Никакой империи они не восстановят.

Знаете почему?

Расскажу одну историю из времен моей юности. Вернее, перескажу содержание одного давнего разговора.

В двадцать четыре что ли года у меня случилась памятная беседа с одним умным дядькой. Он заведовал управлением (или отделом, не помню) международных связей в министерстве, где я подрабатывал переводчиком. Разумеется, на такой должности он не мог не быть гебешником. Почему-то мне, мальчишке, этот большой начальник симпатизировал, звал выпивать к себе в кабинет, рассказывал всякое интересное, нисколько не важничал. И вот однажды я поговорил с ним начистоту — сказал, что думаю о коммунизме, о родных «органах», о только что начавшейся афганской войне. Выпили мы изрядно, но я никогда не умел пьянеть, поэтому алкоголь ни при чем. Просто дядька был действительно умный, и я захотел понять, что у таких людей внутри — я всегда был любопытен. К тому же я твердо знал, что стучать он не станет, не того калибра человек.

Он не удивился моим юношеским наскокам, а произнес целую речь. Очень складную — будто заранее приготовленную. Наверное, он когда-то составил ее для самого себя в качестве этического обоснования собственной жизни. Слово «империя» мой собеседник не употреблял, он говорил «держава». Я потом воспроизвел этот дискурс в романе «Vremena Goda», вставив его в уста одного похожего персонажа, так что возьму из текста:

«Такая у нас страна. Исторически, энергетически, духовно. Одно слово: держава. Миссия всякой державы — собирать вокруг себя народы. Не сосать из них соки, а питать своей кровью. Мы, Советский Союз, так всегда и делали... Полтысячелетия наши предки Третий Рим строили. Хорошо ли, плохо ли, но с полной отдачей. Не жалея живота своего. Православие — самодержавие или социализм — коммунизм — неважно, как называется идеология. Суть в том, через какую точку проходит силовая ось мира. Вокруг какого стержня земля вертится».

Ну и так далее. Мой коммунист и полковник (а может, и генерал) КГБ говорил с глубокой убежденностью, обычно насмешливые глаза горели мистическим огнем. Его речь была длиннее, чем вышеприведенная. И экспрессивней — из-за большого количества мастерски использованной обценной лексики. Я вдруг увидел, как остроумец и бонвиван превращается в жреца некоего

могучего и грозного культа. (Кто читал мои романы про товарища Октябрьского, примерно представляет, что я имею в виду).

Разговор произвел на меня сильное впечатление. Не думаю, что таких жрецов Третьего Рима в советской номенклатуре было очень уж много, но, видимо, достаточно. Иначе СССР не смог бы, вопреки физике и математике, соперничать с Западом на протяжении сорока с лишним лет — пока не надорвался под неподъемной ношей.

Дослушав до конца, я спросил: «А зачем?». Он не понял: «Что зачем?». «Ну, строить Третий Рим зачем?». «Если надо объяснять, значит, я в тебе ошибся», — сказал начальник, и больше мы с ним никогда уже не выпивали.

Не знаю, как этот человек потом пережил гибель империи и что с ним стало. Почему-то я уверен, что он не открыл свой бизнес и не возглавил службу безопасности какого-нибудь коммерческого банка.

А вот наши нынешние правители — они как раз из тех, кто отлично приспособился к реалиям капитализма. Тихой сапой, не забывая по дороге подкормиться, вскарабкались на самый верх, там подхарчились уже как следует, на всю катушку — и, сыто рыгнув, решили вспомнить про державу. Да только никакие они не жрецы, а если и жрецы, то исключительно от слова «жрать». Мистический огонь в их глазах не пылает, а без него империи не создаются. В конечном итоге, когда совсем уж припрет, верх возьмут прагматизм и соображения личной выгоды. (Скажу от всей души: «И слава богу!». «Ворюга» мне не намного милей, чем «кровопийца», но с ним все-таки можно договориться).

Ладно, про Путина и его команду неинтересно. Интересно про вас, дорогие читатели, — прежде всего российские.

Для вас — лично для вас — важно, чтобы Россия была империей? Чтобы ближние страны нам повиновались, а дальние пускай нас и не любили бы, зато боялись? Чтобы мы, как прежде, были Великой Державой, даже если за это придется платить личными свободами и бедностью?

Хотите ли вы, чтобы наша страна была империей?

Борис Акунин,
echo.msk.ru